Суханов Максим 28.02.96.

ВЕСЕЛАЯ МИСТИКА ГОГОЛЯ

Максим Суханов снимает очки и говорит про другое измерение

Независимая газ. — 1996 — 28 февр. — С. 7

Ирина Глущенко

Рефлексия

Максим Суханов (р.1963) — загадочная фигура нашего театра. О его жизни мало что известно. Он почти не появляется на театральных сборищах, не дает интервью и предпочитает прятать глаза за дымчатыми стеклами. Однако когда он снимает очки, обнаруживает проницательный, цепкий взгляд; и мрачноватая маска «крутого», которую он носит вполне органично, сменяется обликом умного актера. Он играл во многих спектаклях Вахтанговского театра (сейчас его можно увидеть в «Зойкиной квартире» и «Варварах»), работал с такими режиссерами, как Петр Фоменко, Роман Козак, Адольф Шапиро. И вот теперь сыграл Хлестакова в спектакле Владимира Мирзоева, который режиссер, вслед за «Женитьбой», поставил в Театре имени К.С. Станиславского.

— ВОКРУГ спектакля «Хлестаков» создана своя, особая жизнь. Вместе с программкой зрители получают газету «Правда Хлестакова». После премьеры в клубе «Станиславский» была устроена пресс-конференция с шампанским и раздача маек с эмблемой театра и символом спектакля. Зачем это понадобилось?

— Мне кажется, с уходом Анатолия Васильева Театр Станиславского растерял своего зрителя, сюда ходят люди достаточно случайные. Мы хотим завоевать зрителей. Своих. И рассчитываем не только на высоколобых снобов, но и на студенчество, и даже на школьников старших классов. Пусть привыкают. Возможно, будем проводить подобные пресс-конференции после каждой премьеры, причем не обязательно для журналистов. И может быть, через несколько лет мы создадим публику, которая будет ходить именно на наши спектакли.

— Итак, Владимир Мирзоев пытается собрать свою команду. Можно ли считать, что ядром ее будут актеры, которые работают в «Хлестакове»?

— У нас пока нет четкого заговора, даже секты нет. Работают те, кто хочет. И, конечно, те, кого захочет режиссер.

— Газета «Правда Хлестакова» (главный редактор А.А. Башмачкин) пытается ответить на вечные вопросы: «Что нужно делать?», «Кто виноват, если не Хлестаков?»

— Ну, конечно, как и любая газета. Вот, к примеру, я — то есть Хлестаков — отвечаю на вопросы корреспондента Тряпичкина. Причем отвечаю очень серьезно. Он спрашивает одно, а я говорю нечто, что никак не соотносится с вопросом. Это, по-моему, очень распространенная сейчас манера вести диалог — и мне она очень нравится. Кстати, и у многих политиков тоже такая манера. Впрочем, политика нас здесь мало волновала. Главное, чтобы не было скучно.

Максим Суханов.

— Кто-то из журналистов увидел в большой букве «Х» в названии спектакля намек на западное «поколение Икс».

— Может быть, и так. Хотя не думаю... Мы пытались поставить спектакль о простых человеческих срывах в бездну, о растерянности. Что происходит, когда на человека вдруг обрушивается состояние космической растерянности, не знакомое ему прежде. Но это, скорее, тема Городничего. У Хлестакова другое — одиночество. Я не думаю, что Хлестаков получает только лишь удовольствие от того, что проделывает с людьми. Я вообще не уверен, что он это делает исключительно по своей воле. Он не впервые приходит на эту землю.

— Откуда он приходит?

— Не знаю. Издалека, может быть — из другого измерения. Оттуда, где Гоголь беседует с прозревшим Виссарионом Белинским, а Чичиков пьет амброзию на брудершафт с Наполеоном. Хлестаков занимается РАЗОБЛАЧЕНИЕМ. Это не просто залетный вертопрах. Здесь иное, связанное с гоголевской мистикой, верой или с безверием...

— Вы играете, скорее, «Развязку Ревизора», которую Гоголь написал десять лет спустя после комедии. «Страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба... Перед этим ревизором ничто уже не укроется, потому что по именному высшему повелению он послан...»

— Гоголь в свое время был не до конца понят. Порою с нами случается событие, которому нет объяснений. В нашем мозгу есть какие-то закрытые зоны. Как к ним прорваться — не знаю. Но оттуда, из этих зон, к нам прорывается образ. Это происходит на уровне интуиции. Я думаю, Гоголь очень остро это ощущал: власть иррационального. Гоголь вообще мой любимый автор.

— Кто еще?

— Из прозаиков — Платонов и Набоков. А в драматургии — Шекспир и Булгаков.

— На пресс-конференции говорили о том, что ваш Хлестаков соединяет в себе инфернальную и уголовную стихии. Многие почитатели классика готовы спорить с такой трактовкой...

— Процитирую «Правду Хлестакова»: «Художник ни при каких обстоятельствах, ни ради славы, ни ради денег, ни даже ради здравого смысла не должен отступать от своего, субъективного чувства правды и красоты».